

МАША
МАЛИНОВСКАЯ

A man and a woman are shown from the chest up, embracing. The man is on the left, seen from the back, wearing a light grey t-shirt. He has a tattoo on his left shoulder. The woman is on the right, with blonde hair, wearing a black top. She has a large, intricate black tattoo on her right arm. She is looking towards the camera with her hand near her face. The background is dark with falling white confetti and some red and orange light effects on the right side.

Сахар
НА ДНЕ

Маша Малиновская
Сахар на дне
Серия «Со стеклом», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67602194
М. Малиновская. Сахар на дне:

Аннотация

Когда-то он сломал мои крылья, заставив сердце осколками осыпаться у его ног. Мой сводный брат... Я пыталась забыть... Но он снова ворвался в мою жизнь, снова заставил тонуть в его тьме. Бежать куда подальше или попытаться идти навстречу? Может, если нырнуть с головой, то можно коснуться его души? Ведь, как известно, сахар всегда на дне...

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маша Малиновская

Сахар на дне

Маша Малиновская

* * *

Глава 1

Часть вторая. (Первая "Сахар со стеклом" – читайте на Литрес бесплатно).

– Встань!

Кровь стынет в жилах от этого голоса.

– Встань на колени.

Сердце от страха начинает раненой птицей трепыхаться в груди. Снова тёмная комната и мало воздуха. Снова приглушённый свет красных ламп.

Я подскакиваю на постели, судорожно втянув воздух. Опять этот сон. Почти год без него и вот снова.

Провожу рукой по лицу, пытаюсь прогнать видение. Даже скорее ощущение.

Приказы меняются. Голос мне незнаком. Но каждый раз я чувствую страх, и моё тело словно парализует.

– Травмы пубертатного периода, Яна, – бормочу себе под нос научную лабуду, надеясь заглушить противное чувство внутри.

Ничего, сейчас пройдёт. Так! Стоп. Сколько сейчас времени?

Хватаю смартфон с тумбочки и ошарашенно наблюдаю, как цифры перещёлкивают с 6:51 на 6:52. Чёрт! Я проспала!

Скатываюсь с постели, едва не упав, запутавшись в лёгком

одеяле, и бегу в ванную.

– Лиза, вставай!

Из соседней комнаты раздаётся стон, а потом на пороге появляется сонное стройное тело в пижаме – моя соседка по квартире и однокурсница – Елизавета Копылова.

– Мы проспали, давай быстрее!

Мы толкаемся возле раковины, чистим зубы. Пока Лизка наносит «кремики и пенки», я иду готовить кофе с бутербродами. Потом душ в экспресс-режиме, и вот ровно в 7:50 мы подбегаем к высоким железным воротам, держа наготове наши временные пропуска.

Касаемся ключ-картами к табло турникета, и нас пропускают на территорию госпиталя.

Хорошо, что август в этом году не жаркий, а то бы после такой спешки хоть душ принимай ещё раз. Аккуратно поступав, заходим в ординаторскую.

– Привет, девочки, – здоровается заведованием общей терапии, который часто пренебрегает своим личным кабинетом и старается быть ближе к народу.

– Здравствуйте, Артём Олегович, – Лиза приосанивается, выпячивая грудь, и в её голосе появляются сладковатые нотки. – Мы не опоздали?

Кокетничает. С Мироновым все кокетничают. Ну или почти все. Ещё бы – молодой доктор-красавец, да ещё и такой талантливый. Только вот и он со всеми кокетничает, никого особо не выделяя.

Сегодняшний день для нас особенный. Коллегия госпиталя должна принять решение после месяца прохождения практики – заключать с нами договор на интернатуру или нет. Мне бы очень хотелось остаться. Квартира, которую мы снимаем с Лизой, в пятнадцати минутах ходьбы. Да и сам госпиталь отличный. С моей специальностью тут есть чему поучиться.

Первые четыре года мы с Копыловой учились в одной группе на общелечебном деле. А потом, два года назад, пришло время выбирать специальность. Копылова ушла в офтальмологию, как и мечтала с первого курса, а я стала психоневрологом. И мне повезло, что в военном госпитале была вакансия. Весь месяц практики я старалась изо всех сил, и сегодня узнаю, захотело ли Министерство обороны в лице госпиталя со мной сотрудничать или придётся искать другое место.

Когда Миронов выходит, мы достаём из шкафчика халаты.

– Тебя они по-любому возьмут, зря ты так волнуешься.

– Почему по-любому?

– Ты же краснодипломница.

Да, я шесть лет корпела над книгами, и теперь пришло время выходить в поле, так сказать.

Я застёгиваю халат и подбираю волосы, стащив с запястья резинку-пружинку. Переобуваюсь, поправляю табличку-бейдж на груди. И тут слышу жужжание в сумке.

Опять звонит Саша. Он же знает, что я занята. К чему этот контроль? Тяжело вздохнув, отбиваю звонок и выключаю телефон совсем.

– Янка, сколько тебе уже говорить, – щебечет Лиза, нанося на пухлые губы ещё один слой помады. – Он не будет ждать вечно. Пожалей уже парня.

– Прекрати, – обрываю подругу. Не люблю эти пустые разговоры. – Нам пора на планёрку.

Копылова совершенно не обижается. Она лишь подкатывает глаза и, расстегнув верхнюю пуговичку на и так довольно узком халатике, выходит за мной в коридор.

На совещании сначала заслушивают заведующих отделениями. Потом слово берёт начмед – высокая женщина, светловолосая, с умными карими глазами. У меня поджилки трясутся от напряжения. Отчим предлагал помочь, но я отказалась. Хочу сама добиться, хочу гордиться собой.

– Мы уже передали в медакадемию списки тех, кому будет предложен договор на прохождение интернатуры. Надеюсь, нас ждёт плодотворное сотрудничество, а вас – карьерный рост.

Выдыхаю я уже лишь тогда, когда слышу своё имя в списке, что зачитывает начмед. Из десяти практикантов приняли только шестерых. Я и Лизка в списках. Только работать будем на разных этажах, но это мелочи.

Теперь я штатный интерн при хирургическом и терапевтическом отделении. Меня представили моей наставнице и

сказали отправляться с ней на четвёртый этаж.

– Итак, Яна Николаевна, давай знакомиться ближе, – невысокая улыбчивая брюнетка села в мягкое кресло за свой стол в ординаторской, жестом пригласив меня присесть на диванчик напротив. – Меня зовут Зоя Ивановна.

– Очень приятно, – улыбаюсь.

Мне нравится эта женщина, и я давным-давно знаю, как её зовут. А также её категорию, стаж, перечитала все её научные статьи по актуальным вопросам этиологии посттравматического стрессового расстройства. Я и мечтать не могла, когда выбрала специальность, что она станет моим наставником.

Зоя Ивановна вводит меня в курс дела, поясняет основные направления работы в терапии и хирургии, ещё раз напоминает о важности ведения медицинской документации.

– Хирурги считают нас шарлатанами, так что не удивляйся, если они будут корчить снисходительные рожи, – доктор поднимает презрительно бровь. – Но именно психиатр должен помочь пациенту избавиться от того внутреннего дерьма, которое приехало с ним из ада. И именно от нас с тобой зависит, вернётся ли солдат домой с целой крышей. Ибо на данный момент процент суицидов бывших военных на сто тысяч человек составляет 12,8 процентов.

Я ошарашено моргаю от таких невероятных цифр. Это много. Очень. А ещё ощущаю бремя ответственности за сделанный выбор.

– Так что у хирургов свой бой над столом в операционной, а у нас свой. И чаще всего он длится намного дольше нескольких часов, Яна Николаевна.

В течение дня я обустроиваюсь на своём рабочем месте, знакожусь с персоналом отделений, в которых теперь буду трудиться, получаю утверждённый график дежурств. Потом иду с Зоей Ивановной на обход. Почти всё время молчу, внимательно слушаю и наблюдаю за её работой.

Уже ближе к концу рабочего дня, около четырёх вечера, у Зои Ивановны звонит телефон внутренней связи. Она что-то коротко отвечает, а потом бросает мне:

– Пошли, Фомина, встречать подарочки из Сирии. Трое трёхсотых.

Я подрываюсь от бумаг и бегу за шефиной по коридору.

– Что это значит – трёхсотых? – спрашиваю уже в лифте.

– Раненные.

Мы выходим к приёмному, где уже в спецодежде ожидают несколько других докторов. Взволнованная Лиза тоже тут.

– Вообще-то, нам с тобой тут быть необязательно, но для тебя это будет полезный опыт.

В ожидании проходит ещё несколько минут, а потом я слышу шум. Мы переглядываемся с Лизой.

– Вертолёт, – тихо поясняет мне Зоя Ивановна.

Я внутренне вся подбираюсь. Да, моя помощь сейчас не потребуется. Будут, наверняка работать хирурги, но мы ведь все тут в одном котле варимся. И в определённый момент и

мне придётся подключиться.

Двери приёмного открываются, и в холл ввозят три каталки. Сопровождающий отчитывается начмеду и дежурному хирургу об оказанной помощи в местном госпитале и предварительных диагнозах, пока персонал принимает пострадавших.

Мои ноги словно прирастают к полу. Учебники учебниками, но вот это... Абстрагироваться не получается, как и сглотнуть ком в горле.

Я вижу на первой каталке мужчину лет сорока, у него перемотаны голова и грудь. Он в сознании и пытается улыбаться Лизке. Ну как же.

Второй пациент тоже в сознании. У него зафиксирована шея и правая рука. Он смотрит безучастно в потолок. А вот третий...

Неведомая сила толкает меня подойти ближе. Молодой крупный мужчина лежит с закрытыми глазами и размеренно дышит. У него перемотана голова, закрыт перевязью левый глаз. С груди на сторону свешивается жетон-смертник.¹

Осознание бьёт обухом по голове, и я слышу в ушах шум собственной крови. Я узнаю этот профиль. Эти сжатые побелевшие губы. Я узнаю своего сводного брата.

---

¹ Жетон-смертник – это значок с ФИО у солдат. Они эту штучку так называют, потому что иногда погибшего в бою только так можно опознать. (Возникли вопросы в комментариях, поэтому помещаю сюда)

Глава 2

– Эй, Фомина, – Зоя Ивановна трогает меня за руку, пока пациентов грузят в лифт. – Ты чего? Поплохело? Может, валерьяночки или коньячку за первый день? Тут без этого никак.

– Что? – вздрагиваю, снова возвращаясь в коридор госпиталя. – Нет. Я...

– Ты будто привидение увидела.

– Третий раненый – мой брат.

– Что?!

Начальница разворачивает меня к себе лицом и смотрит в глаза. Ищет признаки аффекта.

– Мы давно не виделись.

– Так беги к нему! Палыч пропустит.

Внутри бьёт импульс, и я срываюсь на бег. Лифт только захлопнул двери, но ничего, и пешком домчу по ступеням. Уже на четвёртом этаже меня догоняет Лиза.

– Яна, стой! Подожди! – подруга хватает меня за руку, когда я уже подбегаю к дверям смотровой, куда вкатили каталки.

– Что? – расфокусировано смотрю на подругу. Мне надо туда!

– Брат? У тебя разве...

– Сводный.

– Сводный? – красивые брови Копыловой взлетают вверх. – Это тот, который...

– Да, это он.

Выдёргиваю руку и иду внутрь. Конечно, я ей рассказывала про Алексея. Не сразу и не всё, но рассказывала. Потому что именно Лиза вытащила меня из той беспросветной ямы, в которой я тонула, когда Шевцов ушёл в армию. Когда загибалась по ночам, рыдая в подушку в общежитии. Когда почти перестала есть, потому что мама сказала, что Алексей подписал контракт на три года в миротворческие миссии, и даже Виктор не смог уговорить его вернуться. Если бы не Лиза тогда, я бы не вытянула учёбу даже до первой сессии.

В большой и ослепительно белой смотровой над раненым орудуют две медсестры и врач.

– Шевцов Алексей Викторович. Гвардии сержант. Контузия головы, осколочные ранения левого глаза.

Медсестра зачитывает врачу данные сопроводительной карты, а мне каждое слово бьет набатом.

– Фомина, хотите присоединиться? С каких это пор психиатры у нас интересуются первичкой?

За маской нетрудно угадать ухмылку врача. Это то, о чём предупреждала Зоя Ивановна.

– Это мой брат, – повторяю в который раз и подхожу ближе.

– Маску надень, – медсестра толкает меня локтем, кивая подбородком в сторону коробки с одноразовыми масками.

Я делаю как она говорит и снова подхожу. Он жив. Дышит. Без сознания или под наркозом.

Медсёстры срезают нательное бельё, оголяя торс, подключают капельницы. На первый взгляд мне кажется, что вся его грудь испещрена ссадинами и кровоподтёками, но это оказываются узоры татуировок.

Врач ощупывает голову, пытаюсь оценить степень повреждений, проверяет реакцию зрачка незабинтованного глаза. Когда начинают срезать повязку с левого глаза, меня пробивает дрожь.

– Вон, – с абсолютным спокойствием говорит хирург, не отвлекаясь.

– Степан Павлович... – заламываю пальцы.

– Я сказал: пошла вон, – тем же тоном. – Копылова, сопроводи, а потом возвращайся. Тебе как офтальмологу будет полезно.

Я не спорю и позволяю Лизе вывести меня. Она вытаскивает в коридор и толкает спиной к стене.

– Слышь, бестолковая, Палыч тебя теперь на пушечный выстрел не подпустит к твоему братцу! А ну возьми себя в руки. Родителям позвони пока.

Бестолковая... В памяти током бьёт обидное прозвище, которое мне дал Алексей. Бестолочь. Она самая.

Ведь и правда нужно позвонить Виктору.

Я набираю номер отчима, сжимая холодными руками телефон. Он отвечает после третьего звонка.

– Привет, малявка. Неужели вспомнила обо мне? – слышу улыбку в его голосе.

– Дядь Вить... – голос не слушается.

– Так, – отчим настораживается. – Не предложили договор, что ли?

– Предложили...

– Тогда в чём дело? – шуточные нотки полностью исчезают из голоса отчима.

– Тут Лёша, – наконец набираюсь смелости произнести имя Шевцова вслух. – В госпитале. Он ранен.

В ответ устанавливается оглушающая тишина. Я только что сказала отцу, что его единственный сын ранен во время выполнения миротворческой миссии.

– Подробнее, – слышу глухой голос враз постаревшего мужчины. – Яна, не молчи.

– Пока не знаю. У него контузия в голову, осколочное глаза. Сейчас без сознания, готовят к операции.

Отчёт достойный врача, чего уж тут сказать. Ни эмоций, ни сочувствия. Спасительная корка льда на сердце.

– Выезжаю.

Виктор отключается, а я на автомате засовываю телефон в карман. Мне нужен кофе. И погорячее.

Минут через двадцать ко мне в ординаторскую приходит Лиза. Зоя Ивановна напоила меня кофе и ушла домой.

– Ты как? – подруга садится рядом на диван и отбирает пустую кружку, которую я до сих пор держу в руках.

– Что сказал Палыч?

– Сказал, что всё с твоим братом будет нормально. Жить будет.

– А глаз?

– Тут пока неясно. Попытаются спасти, но ты же и сама понимаешь.

– Угу.

– Родителям звонила?

– Должны уже подъехать.

Виктор с матерью приезжают в течение часа. Мама насто-рожено смотрит на меня, а у отчима заострились морщины на лице. Операция в процессе, и мы ждём в коридоре. Чувствую себя каменным изваянием. Ни эмоций, ни реакции. Я испугалась того шквала ощущений, когда увидела Алексея, и просто заперла их на амбарный замок. Но я же психиатр, и сама понимаю, что они скоро начнут просачиваться, а потом снесут к чертям хлипкие двери моего самообладания.

Операция идёт больше четырёх часов, и когда усталый Палыч выходит к нам, я даже сдвинуться не могу. Они с Виктором отходят в сторону и тихо разговаривают. Вижу облегчение на лице отчима.

– Яна, – мама трогает меня за руку. – Мы отвезём тебя домой.

– У меня сегодня ночное дежурство, – зачем-то вру. Не хочу уезжать из больницы.

– Уверена, заведующая тебя отпустит.

– Мам, – я раздражаюсь, – сегодня мой первый день, я не стану отпрашиваться.

Среди других чувств появление Шевцова всколыхнуло и старую обиду на мать. Я не знаю, что тогда между ними произошло, но именно после разговора с ней он вдруг принял неожиданное решение уехать. Не знаю, как она на него повлияла, из-за меня ли или по каким-то другим соображениям, но я не сразу смогла простить её. Вряд ли бы у нас с Шевцовым что-то вышло после всего, но это было бы наше решение. И ничьё больше. Со временем обида растаяла, но сейчас всколыхнулась, как снежная пыль, поднятая ветром.

Спустя какое-то время Виктор и мама уезжают. Их всё равно не впускают в интенсивную терапию ближайшие сутки. Меня Петрович отправляет спать под угрозой инъекции снотворного.

Утром, ближе к пяти утра я просыпаюсь от прикосновения к плечу. Медсестра из хирургии тихонько трясёт меня.

– Яна Николаевна, Степан Петрович позволил вам побыть с братом.

Я резко сажусь на диване, пытаюсь разогнать морок сна.

– Как он? – голос ото сна ещё не слушается.

– Стабилен. Из наркоза вышел гладко, потом дали снотворное. Думаю, скоро проснётся.

– Спасибо.

Медсестра уходит, а я подхожу к зеркалу. В ординаторской больше никого нет. Дежурный, наверное, ушёл на дру-

гой этаж, сёстры заняты. На улице уже рассвело. Смотрю на свой помятый халат и растрёпанные волосы. На лице отпечатались складки. Красотка, что говорить.

Уже выходя в коридор, я вдруг запинаюсь, задумываюсь. Одно дело волноваться за сводного брата, пока он на операционном столе, другое же встретиться с ним уже лицом к лицу. Что я ему скажу? Как он отреагирует? Готова ли я к этой встрече?

Сжимаю кулаки, уже почти передумав, но потом решаюсь. Не прятаться же мне всю жизнь от него? Прошло шесть лет. Может, мы просто поздороваемся, как старые знакомые и всё. Тогда мы были подростками и делали глупости, теперь же всё иначе. Наши родители женаты, и встречи всё равно не избежать. А раны... раны давно затянулись и присыпались пеплом сгоревшей первой любви. Глупой и ненастоящей.

Шевцов в индивидуальной палате. Всё ещё спит. Я присаживаюсь в кресло у койки и рассматриваю его.

Алексей очень изменился. Он уже в одиннадцатом классе выглядел взрослым мужчиной. Что же говорит теперь. Как говорят, косая сажень в плечах – здорово раздался. Бугры выпирающих раскачанных мышц. От самых запястий и до простыни, прикрывающей с середины груди, видны разбросанные татуировки. Я замечаю ту, с которой уже знакома – чёрный дракон на плече. Чувствую неприятную горечь воспоминаний, подкатывающих к горлу.

Лицо тоже изменилось. Даже сейчас, спящий и измождённый

ный, Лекс выглядит опасно. Складка между бровей и про-
бившаяся тёмная щетина, что стала значительно гуще.

– Всё рассмотрела, бестолочь?

Дергаюсь от неожиданности. Господи, неужели я думала,
что шесть лет могли его изменить? Начать с оскорбления –
это так его.

– Классный халатик, сегодня в тему, – его голос ещё хри-
пит, но интонация бьёт, заставляя снова почувствовать себя
маленькой испуганной девочкой в чужом доме.

– Привет, Лёша, – выдавливаю из себя, выпрямляя спину.

И тут вдруг его взгляд меняется. Шевцов прищуривается
и тянется рукой, опутанной трубками. Слегка касается паль-
цем моего колена, а потом потрясённо выдыхает:

– Ты настоящая?

Глава 3

– Какой сейчас год?

Шевцов отвечает мне недоумённым взглядом.

– В смысле?

– Назови год, полные фамилию, имя, отчество...

– Год рождения, табельный номер оружия, – недовольно перебивает он меня. – Я понял.

Поднимаю бровь в ожидании ответа, выдерживая его взгляд.

– Две тысячи девятнадцатый, – недовольно чеканит Алексей, сердито глядя мне в глаза. – Шевцов Алексей Викторович. 1994. Гвардии сержант. Табельный номер оружия 20/28. Довольна?

– Вполне, – складываю руки на груди.

Молчим, продолжая сверлить друг друга взглядами. Это как-то немного неправильно. Он недавно перенёс наркоз и сейчас на сильных анестетиках, а я тут самоутверждаюсь.

– Извини, – сдуваюсь. – Просто ты спросил, реальна ли я. Я должна была проверить.

Алексей молчит, а потом переводит взгляд в потолок.

– Ты мне снилась, – говорит так тихо, что я едва различаю. – После каждого грёбаного боя. Поэтому я и решил, что ты ненастоящая.

Это тихое признание вдруг выбивает почву у меня из-под

ног, заставляя давно замершее сердце заколотиться. Или же снова виноват наркоз. Но я сижу как приклеенная, и не могу ничего ответить.

– Итак, ты врач, – спустя бесконечные минуты молчания произносит Алексей.

– Да. Сегодня мой второй рабочий день.

– Специальность?

– Психиатр-невролог.

– Отлично, – усмехается. – Мне уже нужен психиатр?

– Он всем нужен.

– Это точно, – Шевцов хрипло смеётся, пытаюсь приподняться выше, чтобы сесть.

– Стой! – испуганно подпрыгиваю со стула и кладу руки ему на плечи. – Тебе нельзя вставать! Ещё очень рано.

Скрипнув от злости зубами, Шевцов откидывается на спину, а я отдёргиваю руки, словно обжёгшись. Так не пойдёт, доктор Яна. Нужно выпутываться из этой электрической сети вокруг сводного брата. Все мои чувства сигналият об опасности, к ним стоит прислушаться.

После пережитого стресса для Шевцова и так всё слишком. Он даже не поинтересовался своим состоянием. Или же решил, что я так себе врач.

– Мне пора, – встаю, пряча руки в карманы халата. – А ты постарайся поспать.

Шевцов ничего не отвечает и лишь устало смеживает веки. А я спешу в ординаторскую, где моя наставница уже го-

товиться к новому рабочему дню. У меня должно остаться ещё минут пятнадцать. Надо бы проветрить голову, иначе будет сложно сосредоточиться на работе.

– Это будет в первый и последний раз, девочка, но ты идёшь домой.

– Зоя Ивановна, я в норме. Буду работать.

– Ты меня слышала, – брюнетка стягивает волосы в хвост и проверяет, все ли документы взяла перед обходом. – И завтра чтобы была как огурчик. Шевцова и Голобородько забираешь себе. Снежин – мой.

Хлопаю глазами от удивления. Я думала, пока просто буду на побегушках, а, оказывается, уже самой надо вести пациентов. Да ещё и...

– Зоя Ивановна, Шевцов – мой брат. По правилам...

– По закону вы не родственники, – серьёзный открытый взгляд. – И вообще, Яна Николаевна, помни, где ты работаешь. Это военный госпиталь, а не детский сад, так что отращивай яйца. Твоя подпись – главная в выписке, а солдатики очень хотят домой, поэтому нервы ещё помотают. И, кстати, – оборачивается уже у двери, – больше со мной не спорь. А теперь дуй домой.

Точно военный госпиталь, и у моей начальницы командирские замашки. «Мелкая саркастичная выскочка» – как-то ляпнул на кафедре один доцент о ней, а я случайно услышала, но виду, конечно, не подала. Но она гений в своей области, так что стоит захлопнуть рот и впитывать. И не спо-

ритель, естественно.

С Лизой мы увиделись лишь мельком, когда я выходила, а она, опаздывая, воевала с пропуском у турникета.

– Янка, ты куда?

– Зоя Ивановна приказала идти домой и отсыпаться.

Копылова поджала губы.

– Ладно, дома поговорим, сейчас некогда. Ты чтобы и правда поспала, поняла?

– Угу.

Лизка убегает, а я неспешно бреду по аллее в сторону дома. На носу осень, скоро тут будет очень красиво. Клёны вдоль аллеи залиются золотом, превратив сквер в сказочный лес.

Мне нужно пространство. Немного свободы, чтобы надыхаться воздухом и осознать свои чувства. Я должна научиться их проживать, потому что они неотделимая часть меня. Позволить им выйти наружу, чтобы перелистнуть страницу и жить дальше.

Шесть лет. Это немало, чтобы люди изменились. Может, и Алексей изменился. Только вот в какую сторону? Раньше у него был якорь – мать. Но она умерла три года назад. А что, если он даже не знает об этом? Хотя, вряд ли. С отцом-то наверняка связь поддерживал.

Я прожила и прочувствовала свою несчастную первую любовь сполна. И я простила её себе. Свою слабость и бесхребетность. Столько раз представляла нашу встречу, сколько

сценариев её я проиграла в своей голове. И каждый раз видела себя сильной и смелой, и... Была ли я такой сегодня?

Перелистнуть страницу... Это не просто. Да ещё и нужно настроить себя на отношения врач-пациент.

Да, всё правильно. Всё в прошлом. Мы просто старые знакомые. Просто врач и пациент. Так правильно. Так нужно.

Глава 4

Прогулявшись по скверу, покормив уток у пруда и даже съев целых два мороженых, я вроде бы как привела свои эмоции в порядок. А вот когда подошла к дому, настроение поползло вниз.

Не знаю почему, но в последнее время общество Саши меня угнетает. Начались какие-то придирки и претензии, когда я отказалась переехать к нему. Частые звонки, где слышала недовольный голос. Даже длина моей юбки его не устраивала или яркая помада.

И вот сейчас у подъезда стоит ярко-синий Сашин «Форд», а сам Терентьев расположился на лавочке.

– Привет, – здороваюсь я без энтузиазма.

– Ну привет, – Саша поджимает губы.

– Давно ждёшь? – я присаживаюсь рядом на лавочку.

– Если бы отвечала на телефон, то знала. Где ты была ночью?

– На дежурстве, – меня утомляет этот допрос.

– В первый же день?

– Именно, – я разворачиваюсь и смотрю на парня в упор.

Кажется, ссоры нам уже не избежать. – Поступили раненные из Сирии, рук не хватало.

– И твои руки, как психиатра,годились? В отличие от рук Копыловой.

Злость и обида разливаются внутри. Я резко встаю с лавки и одергиваю пальто.

– Я, вообще-то, ещё и невропатолог. Так что да – мои руки были нужны, – отрезаю и разворачиваюсь в сторону подъезда.

Но Саша перехватывает моё запястье и тянет обратно, только не на лавочку, а к себе на колени.

– Ну ладно тебе, не шипи, – он идёт на попятную, как и всегда: сначала разозлит своими придирками, а потом делает вид, что это я фурия, а он весь такой миролюбивый и правильный.

Позволяю усадить себя, но тут же чувствую его губы у себя на шее.

– Саша, прекрати, – выбираюсь из объятий. – Мы же на улице.

– Так пойдём к тебе. Лизка всё равно уже убежала.

Это же сколько он ждал? А Копылова, получается, его не заметила. Иначе бы сказала. Наверное.

– Только если на чай, – грубо обозначаю границу и иду к двери.

Терентьев, вздохнув, плетётся сзади. Я открываю дверь и вхожу. Скидываю обувь и вешаю на крючок сумочку. Саша снова ловит меня в объятия, прижимая к стене.

– Ян, – шепчет в ухо, а мне хочется зажаться плечом от его дыхания. – Ну...

– Саш,пусти, я устала. Мне надо в душ и спать. Хочешь

– жди чай, если нет – увидимся завтра.

– Гонишь меня? – Терентьев отталкивается от стены и смотрит со злостью.

– Нет, просто... – Господи, как же я устала за эти сутки.

– Год прошёл почти, – повышает голос, и мне хочется зажать уши руками. – Ты говорила... Сколько ещё тебе нужно времени?

– Хватит...

– Яна, я не железный!

– Хватит!

– Ты постоянно говоришь одно и то же.

– Саша, уходи!

Терентьев со злостью дергает дверь и вылетает из квартиры, громко хлопнув. А я оседаю на пол. Сколько можно? Как ещё ему дать понять, что мне трудно переступить через тот кошмар. А теперь ещё и Шевцов объявился. Как мне справиться со всем этим? И как дожидаться сегодня Лизу, чтобы свернуться калачиком, положив голову ей на колени, и просто расслабиться и успокоиться?

Глава 5

Просыпаюсь около четырёх утра от загудевшего под подушкой смартфона. Спам какой-то пришёл. Я так и уснула вчера в общей гостиной на диване. А проснулась заботливо прикрытая пледом.

Провалиться в сон снова уже не выходит, потому что игнорировать желание сходить в туалет не получается.

Со вздохом выбираюсь из уютного кокона и иду по зову организма, а потом забираюсь в постель к Лизке. Подруга ворочается, накидывает на меня уголок одеяла.

– Как ты? – сонно бормочет.

– Нормально. Спи.

– Угу, – отворачивается, а я сверлю взглядом потолок.

– Ян, – спустя полминуты, – с ним всё нормально. Зрачок реагирует на свет, так что видеть будет.

Я принимаю информацию. Чувствую облегчение. Это хорошо, что зрение восстановится. А мне надо подумать, как вести себя с ним в рамках пациент-врач. Мне ли не знать, как трудно влезть Шевцову в голову. Не уверена, что смогу. Да что там – не уверена, что хочу. Но я не психотерапевт, мне не надо вникать, моя задача убедиться, что все когнитивные функции после травмы в норме. Вот и всё.

Уснуть уже не получается, и я выползаю из Лизкиной постели тихо, чтобы не потревожить вновь уснувшую подругу.

Бреду на кухню и готовлю нам завтрак. Омлет и блинчики с творогом, Лиза любит ещё поливать сгущённым молоком, но только на завтрак. В течение дня она себе сладкого не позволяет.

По звонку будильника встаёт Копылова, расплываясь в довольной улыбке, когда видит результаты моего раннего подъёма.

Мы завтракаем, одеваемся и торопимся на нашу новую работу. Сегодня идёт дождь, он приносит дыхание осени, которую я так люблю. Не понимаю тех, кто жалуется на дождливую погоду. Для того, чтобы чувствовать себя счастливым, нужны только плащ и резиновые сапоги. И никакой насморк не страшен.

В ординаторской Зоя Ивановна приветствует меня, салютуя стаканом с кофе. В помещении приятно пахнет.

– Привет, – говорит она, дожёвывая круассан. – Готова к труду и обороне?

– Готова, – улыбаюсь я, доставая из шкафа халат.

– Стопка чистых историй у тебя на столе. Мы ведём отдельную документацию на каждого пациента, а потом, после выписки, подшиваем к общей. Начинай заполнять, а дальше дуй на обход. Проводишь первичный опрос, делаешь свои выводы и, если нужно, готовишь назначения. После обеда обсудим, если надо утвердим. Всё поняла?

– Угу.

– Ну тогда вперед.

Зоя Ивановна выбрасывает одноразовый стакан в урну, ныряет в карман, проверяя, на месте ли молоточек, и, подмигнув, спешно убегает.

Меня поражает её кипучая энергия. Она словно переливается и в меня саму, заряжая, настраивая на рабочий лад. Эта миниатюрная красивая женщина не может не вызывать восторг. Она бывает весьма резка, но к этому надо просто привыкнуть.

Я готовлю истории вновь поступивших, штудирую тех, кто уже в госпитале не первый день. Всего Зоя Ивановна возложила на меня заботу пока о восьми пациентах, в то время, как на её столе более двадцати активных историй, и столько же тех, кто на дистанционном наблюдении. Я должна справиться идеально. Я смогу.

Приходит время обхода, и я невольно повторяю за своей наставницей. Бросаю пустой стакан в корзину и проверяю, на месте ли мой неврологический молоточек. Улыбаюсь, когда понимаю, что скопировала свою начальницу.

Сначала нужно посетить вновь поступивших. Прячу волнение так глубоко, как только могу. Больше веры в себя, Яна Николаевна!

Иду в палату к Голобородько Дмитрию Феликсовичу. Это тот мужчина, который вчера улыбался Лизке.

– Здравствуйте, – уверенно произношу с порога.

Знакомство с пациентом и беседа проходят гладко. У меня получается. Я делаю подробные записи, ставлю пометки,

о чём хочу потом спросить у Зои Ивановны. Минут за десять мы заканчиваем. Пора идти дальше.

И я уверенно иду, но ровно до того момента, как натыкаюсь на дверь палаты. Чувствую, как дрожат пальцы, а кожа на ладонях становится влажной. Вдох. Выдох. И нажимаю на ручку.

В палате Шевцова приятно пахнет, как-то уж совсем не по больничному. Запах медикаментов, конечно, чувствуется, но ещё тут витает аромат «L'Imperatrice» от Дольче Габбана. И я вижу его источник. Арина, медсестра отделения, собирается менять Шевцову капельницу, но вот только занята она непонятно чем. Разве для смены системы обязательно так ровно держать спину и весело хохотать?

Алексей лежит на койке, закинув одну руку за голову и довольно улыбается. Ещё бы! Медсестричка грациозно наклоняется, чтобы поправить на нём простыню, но при этом кажется, хочет удушить своей грудью.

Фу, мерзость какая. Я словно в дешёвый порнофильм попала. Аж тошнит. И вообще, работать надо, ей же не одному Шевцову поставить капельницу необходимо, а она тут время тратит.

– Спасибо, Арина, можешь идти, – сама не узнаю свой голос. Никогда в нём не было столько надменности. – Тебя уже заждались другие пациенты.

Девушка выпрямляется и удивлённо смотрит на меня, поджав свои пухлые губы, которые она явно красила при

плохом освещении. Потому что как ещё можно не заметить их естественный контур и так промахнуться?

– Здравствуйте, Яна Николаевна, но я ещё не поставила Алексею Викторовичу капельницу.

– Я сама справлюсь. Идите.

Скривив лицо, медсестра выходит, а я поворачиваюсь к Шевцову, который, кажется, едва сдерживает ухмылку.

– Доброе утро, Алексей.

– Ну привет, – отвечает он и внимательно смотрит на меня, не меняя своей расслабленной позы.

Я вешаю бутылку с раствором на стойку, снимаю пломбу и подсоединяю систему. Вообще-то, этим действительно должна заниматься медицинская сестра, но наши преподаватели настаивали на том, что врач тоже должен уметь проводить подобные манипуляции. Да и подработка в скорой многому научила.

– Руку, – командуя Шевцову, подготовив лекарство.

Он молча разворачивает свою руку локтевым сгибом наружу. Я перетягиваю плечо ремешком и внимательно приглядываюсь. Чёрные языки татуировки ползут от самого запястья и опутывают всю кожу, мешая увидеть нужный сосуд. Но я справляюсь и ввожу иглу в вену с первого раза.

Алексей всё это время молча за мной наблюдает. А я будто тяну время, потому что дальше ещё сложнее – разговор.

Я выпрямляюсь, убрав выпавшую прядь за ухо и достаю планшетку с картой.

– Утку мне тоже сама сменишь?

– Что? – теряюсь от его вопроса и натываюсь на насмешливый взгляд.

Издевается. Очень смешно, дорогой мой братец.

– Тебе не нужна утка, – прихожу в себя. – Ты можешь ходить.

– Не могу. Ноги отняло, – снова эти искры смеха в глазах. Ну, знаешь ли, Шевцов!

– Я могу попросить Лидию Петровну, нашу санитарку, поставить тебе самый толстый катетер, если уж ноги совсем отняло.

Злюсь. Что вообще происходит? Какого чёрта ему понадобилось меня донимать? Ещё и эта дурацкая прядь снова на глаза падает.

– Ты подстриглась, – тихо говорит Шевцов, а я вдруг смущаюсь от такой смены интонаций в его голосе.

– Мне надо задать тебе несколько вопросов, – горло как-то предательски хрипит, и приходится немного откашляться.

– Ну давай, доктор мелочь, задавай свои вопросы.

Глава 6

Когда я вышла из палаты Шевцова, то почувствовала, как взмок на спине халат. Я пыталась с невозмутимым видом задавать ему необходимые вопросы, но выдерживать взгляд не всегда получалось. Когда я спросила, как он спит, как часто снятся ему кошмары, то в ответ получила лишь хмурый взгляд. Алексей явно не хотел отвечать.

Что ж, основные выводы я сделала: сознание не спутанное, логическое и абстрактное мышление не нарушены, скорость реакции и связная речь в норме. О наличии и степени ПТСР судить пока рано.

Поблагодарив за беседу, я попрощалась и вышла, ощущая, как жжёт между лопаток от его взгляда. Прошло только два часа рабочего времени, а я уже устала, будто сутки отработала.

Саша сегодня весь день сообщениями забрасывает. Извиняется за резкость. Что уж тут, мне тоже есть за что извиняться. В последнее время я стала очень раздражительной. Наверное, волнение сказывается из-за работы. В июне были ГОСы и защита диплома, а весь август практика, да как на иголках: возьмут – не возьмут. Теперь вот ещё Шевцов объявился. Но Саша же не виноват во всём, что со мной происходит, а я прямо как стерва какая-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.